

С.М. Степняка-Кравчинского» исследовала особенность изображения евреев в романе С.М. Степняка-Кравчинского, где они рассматриваются с иной перспективы (чем обычно в литературе данного периода), с акцентом на их роли в эпоху перемен, евреи здесь выступают не маргиналами, «чужаками» и объектом предрассудков, но важными участниками преобразований и даже символом более широкой социальной трансформации.

Юлия Матушанская (КФУ, Казань) в своем докладе «Иосиф Флавий и “Капитанская дочка”: частная жизнь в эпоху перемен» взяла для сравнения изображения частной жизни автора и литературных героев в эпоху перемен в исторических трудах Иосифа Флавия («Иудейская война», «Иудейские древности» и «Автобиография») и произведениях Александра Пушкина («История пугачевского бунта» и повести «Капитанская дочка»).

В 2025 году планируется выход одноименного выпуска по материалам конференции «“Время перемен” в славянской и еврейской культурной традиции» в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

Ирина Копченова

Конференция

«Глобальная реконституция: *Constituens et Naturans*»

(Берлинский университет имени Гумбольдта, Институт глобальной реконституций (IGRec), Берлин, 10–11 октября 2024 года)

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_411

10–11 октября 2024 года в стенах Берлинского университета имени Гумбольдта состоялась конференция «*Constituens et Naturans*»¹, организованная Институтом глобальной реконституции (IGRec)². Проведенная впервые, но призванная стать ежегодной, конференция объединила исследователей в области политической теории, философии природы и исследований государственной политики вокруг проблемы *полкризиса* — состояния современности, характеризующегося множественными угрозами для глобального порядка. Вызовы экологического кризиса и кризиса либеральной демократии были проанализированы участниками в свете двух направлений теоретизирования: политической экологии и теории конституционализма, образуя два центральных тематических блока конференции.

1 *Constituens et Naturans* с латинского можно дословно перевести как «Учреждающее и творящее». *Constituens* — причастие от глагола *constituo* («учреждать»), а *naturans* — причастие от *natura* («природа»), которое часто встречается в словосочетании, обозначающем активное природное начало — *natura naturans* («творящая природа»).

2 Институт глобальной реконституции (IGRec) — исследовательская инициатива группы российских ученых, которая была основана в 2024 году и в настоящее время базируется в Берлине. Институт возглавляет Артемий Магун — бывший директор Центра практической философии «Стасис» при Европейском Университете в Санкт-Петербурге.

Первую панель «*Философия учредительной власти*»³ открыл доклад философа растительной жизни Майкла Мардера (Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания) «*Быть неофитом*». Напомнив о важности внимания к языку, Мардер указал на вегетативные метафоры, которые находятся в основании мышления о многих политических и социальных феноменах. Так, слово диаспора описывает и часть растения, служащую для размножения (например, семена), и дисперсию человеческих коллективов. Другой термин, охватывающий одновременно растительные и социальные миры, — неофит (от греческого *neos* «новый» и *phuton* «растение»), — обозначает как новое для определенной местности растение, так и новичка в религиозном смысле. Растение-неофит воплощает собой принцип постоянного роста, рождения заново — принцип, который также находит отражение в инициационном опыте неофита. Согласно Мардеру, возможность нового, которая заключена в понятии неофита, созвучна идее натальности у Ханны Арендт, которую Мардер видит в центре ее понимания политического. Однако в отличие от вегетативного процесса непрерывного обновления, натальность у Арендт отсылает к активному началу и становлению политическим субъектом как второму рождению, обладающему трансформационным потенциалом политического действия.

Следующим выступил Артемий Магун (Институт глобальной реконституции, Берлин, Германия) с докладом «*Диалектическая теория права*», который был посвящен внутренним противоречиям закона и законности. Сперва он обратил внимание на то, что существует известное напряжение между буквой и духом закона, поскольку буквальное следование *формулировке* закона по-прежнему может нарушать стоящее за ним *намерение*. В основе этих противоречий, по мысли докладчика, лежит оппозиция между объективностью и субъективностью: закон одновременно выступает и как система норм и привычек, и как приказ, подкрепленный угрозой применения наказания. Перевес в сторону объективистской составляющей находит отражение в инертности легального порядка и репрессивном прецеденте, а злоупотребление субъективистской стороной чревато неограниченным деспотизмом суверенитета⁴. Однако с диалектической точки зрения, которую развивает Магун, эти противоречия не рассматриваются как проблема, подлежащая разрешению, а составляют сами основания закона. Закон воплощает диалектику субъекта и объекта — народ выступает и источником, и объектом воздействия законности. Вместе с тем, предупреждает Магун, это противоречие имеет обратную, демоническую (используя понятие Вальтера Беньямина) сторону: защищенное законом право частной собственности обеспечивает одним накопление и сохранение богатства за счет других, законная монополия государства на насилие нормализует его применение в виде полицейского произвола, и так далее. Как считает Магун, преодолеть демоническое способна учредительная (экстра-легальная) власть народа,

3 Понятие учредительной/учреждающей власти (*constituent power*) подразумевает власть народа принимать конституцию и учреждать политический и правовой порядок, который обладает высшей легитимностью. Впервые сформулированная Эммануэлем Сийесом, концепция учредительной власти является одной из центральных в дебатах о конституционализме и радикальной демократии (о траектории дебатов подробнее в: *Негзу А.* Учреждающая власть. Трактат об альтернативах Нового времени. Гнозис, 2024; *Loughlin M., Walker N.* (eds) *The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form.* Oxford University Press, 2008; *Rubinelli L.* *Constituent power: a history.* Cambridge University Press, 2020). При этом за пределами дискуссий о конституционализме учредительная власть может также пониматься в более широком смысле (пере)определения оснований общественной жизни.

4 В теории права это противоречие иногда трактуется в терминах нормативизма и децизионизма (*decisionism*).

реализуемая через мета-нормативность: эмансипацию субъекта от правовой нормы и восстание против санкционированной законом диктатуры.

В рамках второй панели «*Учредительная власть: история и актуальность*» первым выступил *Андреас Каливас* (Новая школа, Нью-Йорк, США). Его доклад «*Учредительная власть у Карла Маркса: Революция и диктатура*» был посвящен политической мысли Маркса с точки зрения понятия учредительной власти. Каливас утверждает, что хотя сам Маркс никогда эксплицитно не использовал эту концепцию, анализ его работ указывает на два различных подхода к учредительной власти, которые соответствуют двум периодам его творчества. Ранний Маркс понимает учредительную власть как демократическое, эмансипаторное движение, нацеленное на преодоление политического отчуждения. В «Критике гегелевской философии права» он предлагает знаменитый аргумент, согласно которому демократия — это не *частная форма* государственного строя, а (учредительная) сила демоса, являющаяся истиной *любой* политической формы. Народ является единственным настоящим субъектом суверенитета, а все другие виды государственного устройства (как монархия) являются искажением демократии. Согласно Каливасу, именно демократия, а не классовая борьба, является центральной политической категорией Маркса того периода. Однако далее он резко отошел от демократико-гуманистического подхода, что, как считает Каливас, было вызвано разочарованием в революциях 1848–1849 годов. В последующих работах (с 1850 года) Маркс утверждает в качестве учредительной уже диктаторскую власть пролетариата — борьбу рабочего класса против сил контрреволюции. В текстах о Франкфуртском и Парижском национальных собраниях 1848 года Маркс пишет, что неудача этих органов в деле победы рабочего класса была вызвана неспособностью действовать решительно, то есть диктаторски. Так, заключил Каливас, следуя прагматике революционной борьбы, вместо субъектности народа Маркс выдвигает на первый план субъектность рабочего класса, вместо демократии — республиканскую модель диктатуры, разработанную в терминах гражданской войны и революционного чрезвычайного положения.

Следующий доклад «*Гоббс как теоретик учредительного правления (authority) (не власти)*» представил *Дэвид Дайзенхаус* (Университет Торонто, Канада). Он начал с того, что учредительная власть в политической философии Томаса Гоббса находится в рамках правового порядка, а не проистекает из внеправового основополагающего акта учреждения конституции и политики. По Гоббсу, создание любого государства сопряжено с насилием, поэтому правовые основания и легитимность государства невозможно найти в моменте его учреждения. Вместо этого, как указал Дайзенхаус, государство и единство общества утверждаются через непрерывное создание правового порядка, что делает концепт учредительной (первоначальной) власти необязательным для построения теории законности. Дайзенхаус также подчеркнул различие между линейной и круговой теорией права, которое предложил исследователь конституционализма Марк Уолтерс: линейная теория предполагает, что правовые нормы связаны иерархическими отношениями, и можно найти изначальный источник легитимности следуя по восходящей от нормы к норме. Право, с такой точки зрения, связано нитью, и существуют некие силы, которые держат конец этой нити. Типичным линейным теоретиком, согласно Дайзенхаусу, является Карл Шмитт. С позиции кругового подхода правовые нормы встроены во взаимосвязанные сети, и попытка проследить источник их легитимности всегда возвращает нас обратно к той, с которой мы начали, тем самым делая вопрос об учредительной власти нерелевантным.

Завершил панель *Роберто Нигро* (Люнебургский университет Леуфана, Германия) с докладом «*Что есть учредительного в учредительной власти? Ограничения и сила понятия*». Сперва докладчик очертил контуры проблемы экстра-

ординарного в теории учредительной власти Карла Шмитта. Шмитт различал учредительную власть и власть учреждаемую — власть создавать конституцию и правовой порядок суверенным актом воли, которая находится вне и над законом, так как сама создает его основы, и власть учрежденного государства и закона. Учредительная власть манифестирует себя во время чрезвычайного положения, в кризисные моменты мобилизации народа для переопределения конституционных основ общества, однако, как заметил Нигро, теория Шмитта не дает убедительного ответа об источнике этой экстра-легальности. Для осмысления экстраординарной политики Нигро предложил обратиться к традиции итальянского операизма, в частности, к работам малоизвестного мыслителя этого направления Никола Массимо де Фео. Де Фео писал, что в отличие от политических революций, направленных на реформирование законного порядка, история знает социальные революции, которые оспаривают сами его основания. Он предложил понятие автономии негативности — духа восстания, отвергающего существующий политический и правовой статус-кво. В заключении Нигро также коснулся марксова понятия живого труда (труда, создающего прибавочную стоимость) у Антонио Негри и предложил поставить его в центр размышления об учредительной власти.

Третья панель — «*Конечная природа*», — началась с доклада Оксаны Тимофеевой (Институт глобальной реконституции, Берлин, Германия) «*Психополитика природы*», который был посвящен представлениям о душе и их траектории в западной философии. Тимофеева указала, что древнегреческие мыслители рассматривали душу как часть космоса, неотделимую от природы. У Платона душа устроена как идеальный город-полис, а психические структуры гомологичны политическим. Однако, как утверждает Тимофеева, в результате секуляризации душа утратила метафизический холизм и стала пониматься индивидуалистически, как «истинное Я». В пост-гегелевской философии душа вытесняется более общим, историзированным понятием духа (*geist*). Так, Шелер писал о различии между душой (жизненным качеством) и духом как уникальной для человека сущностью (это же различие мы можем встретить, например, у Хайдеггера). По мнению Тимофеевой, этот сдвиг в понимании души ознаменовал поворот к антропоцентризму, отделив человека от других форм жизни и закрепив иерархию между ними. Ссылаясь на идею Маркса о метаболическом разрыве — нарушении природных циклов, спровоцированном капитализмом, — она отметила, что масштабный экологический кризис отражает утрату связи между душой и природой. В конце Тимофеева предложила более пост-антропоцентрический взгляд на душу, который бы реинтегрировал человеческий и природный миры в рамках единой планетарной экологической системы.

Следующим взял слово Иэн Джеймс (Кембриджский университет, Великобритания) с докладом «*Разделяя конечность: о биосфере, семиосфере и био-сообществе*», поместив в центр внимания идею конечности, которую развивал Жан-Люк Нанси. Нанси указывал, что человеческое существование конечно, подразумевая два смысла — конечность как преходящесть, временность, и как ограниченность субъекта горизонтом проживаемой диспозиции. Конечность делает настоящее радикально открытым и неопределенным, а значит недоступным для философской артикуляции в виде онтологических или метафизических принципов. Пространство совместной жизни, которое Нанси называл непроизводимым сообществом, избегает всякого определения и фиксированных (политических) идентичностей. Джеймс рассмотрел размышления Нанси о непостижимом творческом бессознательном мира в свете экологии разума Грегори Бейтсона. Разум, по Бейтсону, — взаимосвязанная система, которая не ограничивается сознанием индивида, а вбирает в себя окружающие социальные, культурные и биологические поля. Разум не является чем-то уникальным для человеческого опыта, так как все живые существа

контактируют со средой и получают о ней информацию через сети обратных связей. Аналогично, понятие семиосферы Юрия Лотмана отсылает к пространству смыслов, которые люди создают совместно во взаимодействии. Таким образом, попытка осмыслить сложные реляционные системы, возникающие в процессе интракций и встреч, объединяет этих трех теоретиков. Опираясь на них, Джеймс предложил эпистемологический и политический проект био-сообщества, этос которого учитывал бы взаимосвязанность человеческих и нечеловеческих коллективов. В политике био-сообщества различные ценности, взгляды и группы взаимодействуют инклюзивным, интегративным образом, избегая грандиозных нарративов и тотальных идеологических схем, которые производят разделение и антагонизм.

Четвертую панель «*Война и мир*» открыл *Грегор Модер* (Люблянский университет, Словения) с докладом «*О вечном мире и периодических войнах: Кант, Гегель и всемирная история*». Он обозначил два разных философских подхода к феномену войны: согласно позиции Канта, которую он изложил в своем труде «*К вечному миру*», можно выделить определенный набор условий, выполнив которые человечество приблизится к идеалу мира без войны и оставит вооруженные конфликты в прошлом. Гегель, напротив, настаивал на том, что человеческие институты не могут контролировать ход истории, который неизбежно включает войны между государствами. Далее Модер рассмотрел тезис Фрэнсиса Фукуямы о наступлении конца истории и торжестве либеральной демократии как вершины эволюции политической организации человечества, который тот сформулировал в 1992 году. Модер отметил, что этот тезис возродил взгляд на историю как на телеологический процесс, имеющий конечную точку, — взгляд, который разделяли Гегель и Кант. Тем не менее, уже современные утверждению Фукуямы события — в частности, югославские войны, — показали его преждевременность и наивность. Модер отметил, что провозглашенная постисторическая эпоха не принесла мирного сосуществования под эгидой либерально-демократических институтов. Космополитический идеал Канта остается актуальным, но не в свете конечности истории, а именно потому, что будущее является радикально открытым.

Второй выступила независимая исследовательница *Мария Кочкина* с докладом «*Военные животные: призыв к международному негуманитарному праву*», который был посвящен использованию животных в вооруженных конфликтах. Докладчица рассказала, как живые существа — дельфины, белухи и птицы — задействуются военно-промышленным комплексом, выступая одной из технологий (наряду с беспилотниками или искусственным интеллектом) по сбору разведанных или для уничтожения противника, будучи оснащенными соответствующими устройствами. Согласно Кочкиной, эта практика является частью зооиндустриального комплекса в вооруженных силах разных государств. Она также подпитывает конспирологические и пропагандистские нарративы, например, о вражеских биолабораториях, где перелетных птиц и насекомых якобы используют для распространения болезней, сея среди населения страх перед природными силами. Несмотря на участие животных в боевых действиях, международное гуманитарное право не содержит положений об их защите (единственный запрет касается только некоторых случаев использования животных в качестве бомб-ловушек), игнорируя эксплуатацию и страдания нечеловеческих существ. Завершая доклад, Кочкина предложила концепцию негуманитарного права в качестве решения обозначенной этической проблемы, которая признала бы автономность и разумность животных, рассматривая их иначе, чем просто в качестве инструментов. Непредсказуемость животных субъектов, как заключила Кочкина, открывает нам постгуманистическую перспективу на то, как природа противостоит разрушительному воздействию милитаризованного, технологичного мира.

Последнюю, пятую панель под названием «Учредительная власть за пределами национального государства» открыл *Петер Нисен* (Гамбургский университет, Германия) докладом «*Изгнание и учредительная власть*», где рассмотрел роль изгнанников (*exiles*) в реализации учредительной власти. Нисен указал, что хотя участие граждан, которые были вынуждены покинуть свою страну из-за преследований или несправедливости, в ее политической жизни и принятии конституции кажется парадоксальным, все же они остаются важными агентами на этом поле. Жан-Жак Руссо и Иеремия Бентам рассматривали их как акторов в конституционном процессе: в частности, Бентам предложил идею трибунала общественного мнения, через который внешние голоса вынужденных эмигрантов могут претендовать на учредительную власть и представлять моральную и космополитическую перспективу на будущее своей родной страны. Нисен полемизирует с теоретиком демократии Клаудио-Лопесом Герра, который выступает против права на голосование для экспатриантов, так как они не связаны обязательствами по отношению к государству, судьбу которого определяют. Докладчик отметил, что лишённые возможности вернуться изгнанники хоть и находятся за пределами действия учрежденного порядка, но сохраняют связь со страной исхода, и потому являются частью ее конституционного демоса (термин Дэвида Оуэна). По мнению Нисена, помочь в разработке нормативной теории транснационального политического участия может концепция гражданства заинтересованных сторон (*stakeholder citizenship*) Райнера Баубека, которая подчеркивает права и обязанности людей, глубоко включенных в более чем одно политическое сообщество.

Долгий первый день конференции завершился докладом *Робина Селикатеса* (Свободный университет Берлина, Германия) «*Миграция и/как учредительная власть*», который был посвящен вкладу мигрантов в процесс (пере)определения политического порядка. Как считает Селикатес, движения мигрантов — в двойном смысле и перемещений через границы, и мигрантских политических движений — оспаривают институциональные структуры национального государства, такие как гражданство и границы, которые обычно воспринимаются как сами собой разумеющиеся. Трансформационная сила миграции ставит под вопрос мифологизированную категорию национальной идентичности, знаменуя масштабный эпистемический сдвиг в привычном понимании государства и общества. Селикатес отметил, что так называемый миграционный кризис спровоцировал реакцию консервативных и правых сил, поскольку сделал видимыми глубокие противоречия в идее единой, сплоченной нации. Страх перед культурной разобщенностью лежит в основе как требований ограничения миграции (предъявляемых правыми националистами), так и обязательной интеграции мигрантов (центристами). Этот государственный интеграционистский дискурс доминирует даже в практиках помощи беженцам, поскольку направлен на их ассимиляцию в однородное национальное сообщество. Тем не менее, как считает Селикатес, миграция может послужить отправной точкой для критической рефлексии над глобальной системой неравенства и наследием колониализма, которые и являются миграционным драйвером (миграция выступает с этой точки зрения формой деколонизации, согласно исследовательнице Тендаи Ачиуме). В заключение Селикатес указал, что присутствие мигрантов, их политические голоса и требования закладывают основания для действительно демократической инклюзивной политики.

Второй день начался с панели «*Политики природной трансформации*» и доклада *Сваралити Нанди* (Академия Лойолы, Хайдарабад, Индия) под названием «*Стратегический технологизм: де-риторизация солнечного будущего от правого популизма в Индии*». В своем выступлении Нанди рассмотрела, как националистическая правящая партия Индии *BJP* (Индийская народная партия) во главе

с Нарендрой Модии кооптирует экологические дискурсы о необходимости перехода к возобновляемым источникам энергии в свой правопопулистский нарратив. В идеологии хиндутвы (индусскости) сакральные индуистские представления о солнце и особой связи индуистов с природой служат маркером национального возрождения, воплощаемого фигурой Модии. Докладчица привела примеры проектов деревни Модхера и храмового комплекса Рам Мандир, которые работают на солнечных батареях и воплощают использование солярной риторики для продвижения бхарата — символического единства всех индусов вокруг традиционных религиозных ценностей. Нативистский идеал бхарата, пропагандируемый *VJP*, является эксклюзивным и репрессивным по отношению к другим религиозным идентичностям в Индии, особенно к исламу. В конце Нанди поставила вопрос о том, какой может быть прогрессивная экологическая политика, ориентированная на эффективное решение проблемы климатического кризиса в таком мультиконфессиональном и разнообразном обществе, как индийское, и предположила, что такая политика должна быть светской и избегать включения сакральных/религиозных представлений.

Второй выступила *Ангелина Давыдова* (Институт глобальной реконституции, Берлин, Германия) с докладом на тему «*Где и почему глобальное управление климатом терпит неудачу. Что можно сделать? Размышления перед COP29*», представив предварительные размышления по поводу 29-ой Конференции ООН по изменению климата (11–22 ноября 2024 года, Баку). Давыдова отметила нарастающую напряженность в публичном поле по поводу конференции за месяц до ее проведения, связанную с противоречивой ролью Азербайджана как принимающей страны ввиду ориентации его экономики на доходы от ископаемого топлива и нарушения прав человека. Показательным в этом плане является санкционирование протестов рядом с местом проведения конференции, поскольку оно на время будет подчинено юрисдикции ООН, тогда как в остальном Азербайджане митинги жестко подавляются. Критики также обращали внимание на возможное стратегическое использование Азербайджаном климатических переговоров для усиления своего геополитического влияния — так, по утверждению Давыдовой, Азербайджан инструментализирует деколониальный дискурс и привлекает страны-бывшие колонии из Тихоокеанского региона, оплачивая их участие. Кроме того, есть множественные проблемы и непосредственно с самой борьбой с изменением климата: ей препятствуют нескоординированность национальных правительственных структур, нехватка и неэффективность финансирования, сопротивление бенефициаров экстрактивизма и прочее. Подводя итоги, спикерка заключила, что в ситуации текущего поликризиса необходим гибкий и системный подход, а также соединение социальной и экологической политики.

Последним на этой панели выступил независимый исследователь *Феликс Ятнер* с докладом «*Новая глава экстрактивизма? Экологическое и климатическое управление в России в эпоху поликризисов*». Он выделил три эколого-экономических режима в России, соответствующих специфическим стратегиям в сфере производства и добычи ресурсов. Прежде всего, это военное кейнсианство — макроэкономическая политика, направленная на реиндустриализацию военно-промышленного комплекса и смежных отраслей, побочным эффектом которой является улучшение уровня жизни занятого в производстве населения за счет повышения зарплат и «вливания» денег в региональные экономики. Далее, зеленый экстрактивизм — Россия развивает водородные технологии для адаптации ко все более безуглеродной глобальной энергетической политике, однако производство водорода по-прежнему следует экспортной модели, практически не влияя на экологическую ситуацию внутри страны. И последнее направление — добыча невозоб-

новляемых источников энергии для последующей продажи на мировом рынке (привычная ресурсная модель развития в России), так называемый коричневый экстрактивизм (*brown extractivism*). Как заключил Ятнер, ни один из обозначенных режимов не является устойчивым и/или экологичным: даже вкладываясь в безуглеродную отрасль и производя водород, Россия остается поставщиком сырья для более технологически развитых стран, что закрепляет ее периферийную роль в глобальной системе разделения труда. Воспроизводя экстрактивистскую логику в подходе к зеленым технологиям и направляя все ресурсы на вооружение, Россия едва ли сможет адаптироваться к изменению климата и декарбонизации энергетики.

Вторая секция «*Экстрактивистские культуры*» открылась выступлением Анны Винкельман (Университет Радбауд, Неймеген, Нидерланды) «*Не спасайте планету: романтический взгляд на экологический кризис*». Винкельман проблематизировала распространенный троп о необходимости «спасения природы», заявив, что такой объективирующий взгляд на природу закрепляет между ней и человеком иерархические отношения, делая перспективы преодоления экологического кризиса все более призрачными. Согласно Винкельман, призывы к «ответственному потреблению», например к сокращению использования пластика, ограничивают наш экологический горизонт, не позволяя критически посмотреть на фундаментальные аспекты взаимодействия с окружающей средой. Опираясь на натурфилософию Шеллинга и традицию немецкого романтизма, в рамках которой природа понималась как самоподдерживающаяся, самоорганизованная сущность, Винкельман указала, что императив вмешательства в природу и ее «спасения» ошибочен. Она предложила пересмотреть эту инструментальную экологическую перспективу, которая предполагает контроль и регуляцию естественных процессов, и двинуться в сторону сбалансированного, неинвазивного сосуществования.

Следующим взял слово Александр Эткинд* (Вена, Австрия) с докладом «*Идеология и утопия антропоцена*», который был посвящен взгляду на климатический кризис в идеологических и утопических нарративах. Эткинд различает способы мышления об антропоцене на идеологию и утопию (заимствуя это разделение у Карла Мангейма), и определяет идеологию как картину мира, служащую сохранению статуса-кво, а утопию — как видение, через которое воображаются альтернативы. По мнению Эткинда, дискурс о поликризисе является примером идеологии, которая объясняет и нормализует текущие условия, в то время как «справедливый переход» к устойчивому развитию представляет собой утопическое мышление. Понятие поликризиса подразумевает прямую каузальность, тогда как с точки зрения Эткинда нужно говорить о множественных кризисах, усиливающих друг друга через петли обратной связи. В конце докладчик указал, что даже если катастрофических событий избежать невозможно, они являются ресурсом для адаптации и рефлексии.

Последним в панели выступил Илья Калинин (Институт глобальной реконституции, Берлин, Германия) на тему «*Советская нефть и русский космизм: техноконсервативная формация*». В центре доклада стояло специфическое соединение модернизации и традиции, которое Калинин диагностирует в творчестве таких авторов, как писатель Александр Проханов и режиссер Андрей Кончаловский. Техноконсерватизм (термин Калинина) позднесоветского периода объединил оптимизм по поводу технологических достижений страны с философской рефлексией о культурных корнях России, как бы продолжая традицию русского космизма. Докладчик рассмотрел эту техноконсервативную формацию на примере репрезентации нефти

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

и ее добычи в киноэпопее Кончаловского «Сибиряда» и романах Александра Проханова «Роза кочевников» и «Место действия». У Проханова промышленные реалии изображаются наряду с русскими сельскими традициями, а нефть предстает как энергетическая сила, связывающая современных советских людей с их предками. Схожую транспоколенческую связь Калинин находит у Кончаловского в «Сибиряда» (1978), где нефть служит воплощением *конденсированной истории*, которая при добыче метафорически воскрешает умерших предков в совместном движении на пути к прогрессу. Как считает Калинин, конструируемая в результате радикальная утопия парадоксальным образом сочетает в себе гипермодернизм и экологическую чувствительность.

В рамках третьей панели «*Пределы либерализма*» первым выступал *Петр Сафронов* (Амстердамский университет, Нидерланды) с докладом «*Другой закон: о нелиберальном конституционализме*». Сафронов выделил три основные дилеммы при разработке конституции: 1) права меньшинств(а) vs права большинства — конституция должна обеспечивать баланс между защитой прав меньшинства и соблюдением интересов большинства, что создает внутреннее противоречие; 2) стабильность vs экстраординарность — конституция направлена на сохранение установленного политического и правового порядка, однако предусматривает право на восстание и моменты чрезвычайности, которые этот самый порядок подрывают; 3) антикоррупционные правила vs коррупция из-за правил — хотя конституция защищает правовое поле от влияния корыстных интересов, именно государственный аппарат по обеспечению законности является причиной коррупции. В рамках обсуждения прагматической проблемы, связанной с разработкой новой конституции в пост-авторитарном контексте, Сафронов предложил использовать процессуальный подход, который подразумевает поэтапное движение конституционных переговоров от предварительного нелиберального компромисса в сторону балансирования различных интересов и достижения демократического консенсуса.

Следующей взяла слово *Ева Атанасов* (Берлин, Германия) с докладом «*Либеральный конституционализм под испытанием (Liberal Constitutionalism on Trial)*», в котором она рассмотрела кризис либеральной демократии западного типа, проистекающий из дефицита легитимности — увеличивающегося разрыва между народом и государством. Для того, чтобы проанализировать современные вызовы либерального конституционализма, Атанасов обратилась к работам его канонического апологета — Алексиса де Токвиля, и радикального критика — Карла Шмитта. Токвиль, отстаивая либеральную демократию, считал равенство (существование неотчуждаемых и всеобщих человеческих прав) и народный суверенитет (право народа на самоопределение) центральными ценностями, которые определяют современные политические системы, основанные на наследии американской и французской революций. Атанасов отметила, что Шмитт хоть и развивал идеи Токвиля, но тем не менее предполагал, что народный суверенитет как воплощение воли *конкретного* политического сообщества подразумевает разделение на тех, кто принадлежит, и тех, кто не принадлежит этому сообществу, воплощаемое в известном различии друга и врага. Он считал, что либеральный принцип всеобщего равенства входит в противоречие с демократическим принципом суверенитета: он не может поддерживать политическое сообщество, поскольку не способен определить его границы. Таким образом, универсалистские, глобальные притязания либерализма по Шмитту несовместимы с демократической государственностью. Атанасов разделяет взгляд Токвиля, который также проводил различие между демократией и либерализмом, но указывал, что чувство принадлежности, национальная идентичность, является решающим фактором для сохранения либеральных институтов, тем самым полагая сочетание партикулярности и универсальности сущ-

ностной чертой либерализма, а не непримиримым противоречием либеральной демократии.

Четвертую панель «*Учредительная власть: история и актуальность*» открыл Ян Смоленский (Варшавский университет, Польша) докладом «*За пределами Улисса: пересмотр идеи самоограничения в конституционной теории*». Он указал, что либерально-демократический конституционализм предполагает существование системы сдержек и противовесов — определенного набора институциональных ограничений, который призван защитить демократию от саморазрушения. Смоленский обратился к метафоре, предложенной Джоном Элстером: как Улисс (Одиссей), приказывает привязать себя к мачте для того, чтобы не соблазниться песней сирен, так и народ налагает на свою волю (воплощаемую избранными представителями) конституционные ограничения ради сохранения демократии. По мнению Смоленского, модель самоограничения имеет три ключевых недостатка: 1) конституции предоставляют правительствам законную возможность игнорировать волю народа, допуская дисбаланс власти; 2) конституции связывают ограничениями не только своих учредителей, но и их потомков, создавая проблему асимметрии власти между поколениями; 3) конституции не защищены от иностранного влияния, которое может нарушать суверенитет страны. Для преодоления этих недостатков Смоленский предложил более демократичное, более гибкое понимание конституционных ограничителей — не через «смирительную рубашку» закона, а через вовлечение большего числа акторов и институций в коллективное управление, которое бы ограничивало не народ, а правительство.

Завершила секцию Ольга Башкина (Левенский католический университет, Бельгия), рассмотрев в своем докладе разные подходы к учредительной власти. Как считает Башкина, уже у Сийеса, выдвинувшего понятие учредительной власти, мы можем увидеть зерно фундаментального противоречия, которое принято называть парадоксом конституционализма: субъектом учредительной власти является народ, но вместе с тем народ не может править напрямую и нуждается в представителях. Делегируя власть учредительному собранию или другому представительному органу, он исчезает со сцены конституционной политики. Последующие направления теоретизирования, согласно Башкиной, склонны воспроизводить этот парадокс и подчеркивать в понятии учредительной власти либо эмансипаторный аспект, ограниченный революционным моментом народного самоопределения, либо легальный, воплощенный в политико-правовой системе государства. Первый подход не может решить задачу стабильного, длящегося демократического правления, тогда как проблема второго заключается в недостатке демократии, так как народ не имеет прямого доступа к реализации власти. Башкина отметила, что в современных подходах скорее доминируют государственно ориентированные интерпретации учредительной власти, отодвинувшие на второй план идею активного народного участия в пользу более статичной формы представительства. Она предлагает рассматривать учредительную власть не в терминах дихотомии основополагающего события и правительства, но как процесс, включающий разнообразные формы гражданского участия (акты гражданского неповиновения, выборы и другие способы политического самовыражения). Для анализа политических режимов ключевым вопросом тогда будет не «кто обладает учредительной властью», а «сколько учредительной власти (как меры вовлечения общества в политические процессы) существует в системе».

На последней, пятой панели «*Демократия и конституционные процессы в Восточной и Южной Европе*» выступила Кети Чухров (Университет искусств и дизайна Карлсруэ, Германия) с докладом «*Сравнительная политэкономия авторитарии и демократии в постсоциалистических условиях*». Она указала на ключе-

вые, по ее мнению, различия постсоветских автократий и либеральных демократий западного типа. Во-первых, это иная конфигурация классовых отношений: если в западных демократиях борьба разворачивается между бедными и богатыми, то в России и других постсоветских странах креативный урбанизированный средний класс находится в оппозиции как олигархической элите, так и массам, чья лояльность гарантирована системой социального обеспечения. Во-вторых, Чухров противопоставляет западный когнитивный капитализм и российскую «консервативную революцию», направленную против институций культуры, производства знания и инноваций. Подавляя развитие когнитивного капитализма, Россия, по словам Чухров, лишает себя статуса страны второго мира для того, чтобы возглавить деколониальное движение периферийных государств. Последнее различие связано с неформальностью правовых и экономических систем в автократиях, которые основаны на коррупции, личных связях и использовании закона в целях репрессий, в противовес демократическим императивам прозрачности и защиты прав человека.

Следующей взяла слово *Бара Коленц* (Люблянский университет, Словения) с докладом «*Югославия 1945–1991: Социальный эксперимент в четырех конституциях*». Начав с исторического экскурса, она указала, что частая смена политических режимов и разрыв отношений со сталинским СССР в 1948 году сформировали югославский проект как динамично развивающийся и критичный по отношению и к авторитарному социализму советского типа, и к западному капитализму. Коленц отметила, что четыре конституции (1946, 1953, 1963 и 1974 годов) отражают эволюционное движение Югославии на пути разработки новых форм социального государства: от королевства к Народной республике, затем к Социалистической республике, и в конечном счете к социалистическому самоуправлению, закрепленному конституцией 1974 года. Автор проектов четырех югославских конституций, Эдвард Кардель, был одним из лидеров антифашистского сопротивления в Словении во время Второй Мировой и видел партизанские низовые ячейки как успешный пример самоорганизации и коллективного принятия решений. Это видение Кардель привнес в конституцию 1953 года, которая предусматривала разные формы прямой демократии (рабочие советы, республиканские, районные и городские советы и др.), и расширил в конституции 1974 года принципом социалистического самоуправления. По мнению Коленц, отличительной чертой конституций Югославии было установление не только политических, но и экономических основ общества: рабочего самоуправления (с запретом на вмешательство со стороны государства), равной оплаты женского труда, семичасового рабочего дня, бесплатного образования и здравоохранения, жилищных гарантий и других прав. Подводя итоги, Коленц заключила, что несмотря на крах Югославии из-за возобладавших национальных противоречий, ее пример важен как реальная попытка построения социализма в соответствии с идеалами социальной справедливости, автономии и демократизации экономических отношений.

Завершил конференцию доклад *Эртуга Томбуша* (Берлинский университет имени Гумбольдта, Германия) «*От автократа к меньшему злу: дилемма демократического перехода в Турции*». Он представил критический анализ коалиционной политики на парламентских и президентских выборах в Турции в контексте более широкой проблемы демократических преобразований в авторитарных условиях. Сперва докладчик коснулся вопроса роли выборов в автократиях, указав, что хотя они и открывают возможности для смены власти, в случае победы правящих сил выборы работают на легитимацию действующего режима. В Турции на выборах 2023 года оппозиция сформировала широкий коалиционный блок, известный как «стол шести», который объединил идеологически разнородные партии — ле-

воцентристскую Республиканскую народную партию (*СНР*), националистическую «Хорошую партию», и несколько других правых и исламистских партий. Главной целью коалиции была победа над Эрдоганом и его «Партией справедливости и развития» и возврат к парламентской форме государственного устройства, отмененной в результате референдума 2017 года. Однако, как утверждает Томбуш, для демократических сил императив идеологического компромисса и альянсов по принципу «меньшего зла» проблематичен по нескольким причинам. Объединение с националистами и фундаменталистами нормализует подобную риторику в публичном поле и, учитывая авторитарные тенденции внутри самих этих групп, отдаляет перспективы действительно демократических преобразований, поскольку может привести к замене одного автократа другим и консервации авторитарного правления. Как считает Томбуш, задача оппозиции в этих условиях — не просто победа на выборах, но и выработка последовательно демократической программы на основе ценностей равенства и социальной справедливости. Вместо краткосрочной прагматической ориентации на электоральные циклы, по его словам, необходима фундаментальная трансформация политических дискурсов и институтов.

Подводя итоги конференции, хочется отметить, что она выступила важной площадкой для дискуссий по актуальным вопросам конституционализма, экологической политики и дефицита демократии, наблюдаемого по всему миру как в откровенно авторитарных, так и формально демократических режимах. Как часто бывает на хороших конференциях, обсуждения после докладов оказались не менее значимой частью, чем сами доклады. Так, к концу второго дня разгорелись дебаты по вопросу национализма между сторонниками либеральной демократии (в лице Евы Атанасов) и левыми шмитгеанцами (которых представлял Андреас Каливас). Атанасов отстаивала необходимость политики национальной идентичности для поддержания демократических институтов, тогда как Каливас скептически отнесся к идее «хорошего национализма». Доклад Эртуга Томбуша о демократических стратегиях при авторитаризме также спровоцировал энергичное обсуждение после провокационного комментария Артемия Магуна о том, что голосование за автократа может быть рациональной стратегией широких слоев населения, например в условиях геополитического соперничества. В своем возражении Магуну Ева Атанасов раскритиковала идеализм по поводу массового политического участия, свойственный левым, представив конституционное (мэдисоновское) понимание демократии. Более подробное обсуждение полемики на сессиях вопросов и ответов, к сожалению, выходит за рамки данного обзора. Заметим только, что если задачами конференции были поддержание академических связей между российскими и зарубежными коллегами и анализ траектории российского режима в контексте глобальных политических трансформаций, то организаторы с ними справились.

Наталья Наумова